

ОТЪЛЕСК КРАСНОЙ КОСЫНКИ...

Летом 1928 года в иркутской газете «Власть труда» появилось объявление о наборе в рабочий театр. От фабричных стайков, на заводских цехов и рабочих клубов пришла молодежь. Она принесла с собой любовь к искусству, мечту о театре, энтузиазм и панорамность молодости.

Здесь в ТРАМЕ встретились и старые знакомые из маратовского клуба, клуба рабочего предместья Иркутска: Васса Климанова — курьер кожзавода, молодой рабочий того же завода Петр Лавров, формовщик завода имени Куйбышева Владимир Шестерников и новички, вроде голубоглазой топенской хохотушки Таси Козлиной.

Молодая республика жила напряженной жизнью новостроев, рождалась новая культура, молодежи искала необычные формы в жизни и в искусстве.

Труден был первый год! Все работало на производстве, вечерами, если успеваешь перекусить, мчались на репетиции, жадно ловили все, что говорили и показывали первый в их жизни профессиональный режиссер спектакля «Бузинува когорта», которым должен был утвердить свое право на жизнь молодой коллектив.

Все в этом спектакле было сделано своими рабочими руками. Им был прожит каждый стеклок, обит каждый гвоздик, написаны декорации. И все это делалось в горячих ссорах, в бессонные счастливые ночи, полные прискрасной мечты, творческой работы, звонких комсомольских песен у зеленой прозрачной Ангары.

Тридцать семь лет прошло с тех пор, лет, наполненных радостью побед, горечью неудач — всем, чем богата человеческая жизнь, и сейчас, собираясь за кулисами на спектакле «Недоросль», где заняты все четверо, они вспоминают прошлое театра, комсомольский его дух, спектакли первых лет с такими броскими, боистыми названиями, как «Дай пять!», «Зови, факком!», «Ударники» и многие другие.

Васса Григорьевна Климанова уже заслуженная артистка республики. В своем родном театре она сыграла более двухсот ролей. И каждый раз волнуется, нервничает, как та далекая девочка в красной косынке, что пришла в театр ярким августовским днем 1928 года. Она выросла в нем в одну из любимых актрис юного зрителя, среднего зрителя, старшего зрителя — всех, к кому обращается тюз своими спектаклями. Никогда не играла, да и не любила Васса Григорьевна роли молодых, влюбленных деушек, страдающих героинь. С первых шагов на сцене ей были наиболее близки характеры женщин из народа, острые, сочные образы репертуара А. П. Островского, яркость комедийных ролей. Васса Григорьевна Климановой дарована большая человечность, подкупающая простота, правда души. Где-то для себя она всегда ищет оправдания своих героинь, даже в Простаковой из «Недоросля» она находит человеческие черты характера. От этого ее Простакова не становится менее страшным обличением социального строя.

С какой хитринкой, с каким юмором оценивает свала Домна Пантелеймоновича все события «Женитьбы! Кажется, так вот и пошла з спектакль эта бойкая стируха прямо из переулков старой купеческой Москвы!

Но и сейчас Васса Григорьевна волнуется перед каждым выходом на сцену, как и 36 лет тому назад, так же тщательно и придирчиво осматривает себя, проверяя грим, костюм, так же добросовестна и всегда готова бескорыстно и самоотверженно отдать себя театру.

Когда ей об этом говорим, сердится: «Да что, право! Петр, что ли, другой, или Тася? А Володя Шестерников? Мало они работают, мало сил кладут?»

И верно. Старые комсомолы, те, кто заложил фундамент тюза, и сегодня работают на совесть.

Трудно сосчитать, сколько километров исколесил Петр Иванович Лавров, разбегая с театром по гастрольным дорогам, сколько ролей сыграл на сцене родного театра.

Рецензии, потускневшие фотографии хранят память о молодом пылком Фердинанде в «Коварстве и любви», о страстном Moore («Разбойники»), о жалкой трусости Бориса («Гроза»). Старые крутые хорошо знали Петра Ивановича и с самым разнохарактерным репертуаре, внимательно следили за тем, как простой рабочий парень вырос в ведущего актера.

Когда нужно для театра, то для него, как и любого из старой трамбовской когорты, не существует слова «нет». Молча надевает неизменную тютюбейку, берет чемоданчик с гримом и едет на дальние выездные спектакли, чтобы, пернувшись, как бывало, еле успев перекусить и вновь сесть вечером в театр за свой гримировальный столик.

Ловкие руки парикмахера надевают парик с маленькой косыночкой и старомодными буками, застегнут зеленый сюржук, зажата в руке палка, и умный, простой и человеческий Стародуб уже живет на сцене в спектакле «Недоросль», живет, чтобы гнивою восстать против произвола и невежества, задаяя сердца зрителя не холодным резонерством, а искренностью и теплотой.

А наутро снова в дорогу — до вечернего спектакля надо еще сыграть в пионерском лагере роль лесного, жестокого царя, сыграть так, чтобы сердца маленьких зрителей восстали против всего того злого, что олицетворяет в себе царь Горох.

Не так просто играть для тех, кто заполняет зрительный зал театра из дневных спектаклях. Здесь нужна полная отдача — непосредственный зритель тюза не так легко отдаст свое внимание.

Зато какая радостная, дорогая для актера минута, когда этот контакт устанавливается, и зритель, тот, что самозабвенно носился по фойе, шурурил конфетными бумажками и облизывал стаканчик с мороженым, забывает обо всем и вместе с персонажем сказки доверчиво включается в действие.

Тансия Федоровна Козлинина знает это очень хорошо. Много ролей

в ее репертуарном списке — за печами и бойкие комсомолки, и маперные девичьи, девчонки, мальчишки — нелая галерея характеров и лиц. Пожалуй, если бы все они вдруг собрались вместе, то вышла бы большая и шумная компания человек в двести.

Недаром так хорошо знали ее школьники, особенно в одной из лучших ее ролей — Кота в сапогах в одноименной пьесе П. Мазаревского. Удивительно, сколько было в этой роли нескучающего веселья, остроумия, блеска. Этот Кот — храбрый, жизнерадостный, с его песнями и танцами двадцать лет жил на сцене Иркутского тюза, и двадцать лет бесценно играла его Тансия Федоровна. И не одного своего юного почитателя мог он научить честности, умению дружить, мужественно переносить всяческие трудности.

Об этой роли можно говорить не только как об одной из лучших у актрисы, но как вообще об одной из самых интересных ролей в истории Иркутского тюза.

Но вот идет спектакль «Недоросль», и на сцену робкой, сменяющей походкой выходит нянька Митрофанушки Жалкая, вонзая раба, но не угодливую, нет, живет в этом бледном лице, в манере говорить, в брошенном непотоптывающем, в тихом плаче. Живое воплощение социальной несправедливости, типический характер сумела создать Тансия Федоровна Козлинина в этой небольшой роли.

За кулисами В. И. Шестерников протягивает ей лангирсы, оба с наслаждением затягиваются, но Цифиркина, которого играет Владимир Изюмчик, пора на сцену. И вот уже старый служака, с изборожденным твердыми морщинами, обветренным лицом, как белая порона в этом затхлом мире Скотинных, захватывает зрительный зал народностью, органичностью, присущими Шестерникову.

Недаром о нем часто говорят «сказочный актер». Да, тут уж ничего не скажешь — непосредственность простота этого актера помогают ему быстро завоевывать сердца и доверие юных зрителей.

Недаром в сложной философской сказке К. Паустовского «Перстень» добродушный и мудрый медведь становится главным положительным персонажем спектакля, недаром так трогательно, с юмором играет актер Цифиркина, точно подчеркивая социальную основу характера.

В «Недоросле», спектакле веселом и остроумном, встречается все четверо «ветеранов» Иркутского тюза. Они смеются: «Вся старая гвардия»... Да, гвардия. Пусть прошло столько лет со дня их первого спектакля, но и сейчас в них живет огонь комсомольных двадцатых годов, и сейчас, отблеск красной комсомольской косынки помогает им работать с тем же рвением, так же безотказно и любовно, как и много лет назад.

А. ЛЕВИКОВА.